

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.17>

Кушнарченко Сергей Петрович

ГЕНЕРАТИВНЫЕ ИСТОКИ ПОЗНАНИЯ

В статье показывается, что в качестве истоков познания выступает генеративный ряд символов. Теория - не только продукт познания как превращённая форма, но и символ духовного состояния познающей личности как условие новых актов познания. Вместо истории идей следует тогда говорить о последовательности произведений-символов как вещественных "тел понимания". Произведение есть целостное образование, включающее не только вещественно-предметный и идейный аспекты, но и духовное состояние интерпретирующей личности. Интерпретация произведения есть не только репродукция смысла идеи, в нём выраженной, но и продуктивная конструкция, преобразующая предметно-символическую структуру самого произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 85-88. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. Платон. Гиппий Большой // Платон. Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. С. 153-192.
14. Glaserfeld E. von. The reluctance to change a way of thinking // Irish Journal of Psychology. 1988. № 9 (1). P. 83-90.
15. Kaufman B. A. The development of HRM in historical and international perspective // The Oxford Handbook of Human Resource Management / ed. by P. Boxall, J. Purcell and P. Wright. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 19-47.
16. Legge K. Human resource management: A critical analysis // New Perspectives in Human Resource Management. L. – N. Y.: Routledge, 1989. P. 19-40.
17. Robins A. 10 Shocking Statistics about Disengaged Employees [Электронный ресурс]. URL: <https://www.officevibe.com/blog/disengaged-employees-infographic> (дата обращения: 15.02.2019).
18. Story J. Human resource management today: An assessment // Story J. Human Resource Management: A critical text. 3rd ed. Cengage Learning EMEA, 2007. P. 3-20.

METHODOLOGY AS A FOUNDATION OF THE HUMAN RESOURCE MANAGEMENT CONCEPTION

Ivanova Ol'ga Ernstovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk
74oliva@list.ru

The purpose of the article is to substantiate the deployment of methodology into conception by the example of the human resource management conception. The methodological foundations are determined by sufficient initial conditions for the development of the system of ideas and principles for managing people in an organization. The novelty of the study is presented by the identified requirements for the methodological foundations of the human resource management conception, which include instrumentality, certainty, validity and ability to be constructed. These requirements are not absolute and are subject to review basing on the empirical method of argumentation.

Key words and phrases: instrumentality; conception; methodology; validity; foundations; human resource management.

УДК 130.2+165.1+165.62

Дата поступления рукописи: 04.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.17>

В статье показывается, что в качестве истоков познания выступает генеративный ряд символов. Теория – не только продукт познания как превращённая форма, но и символ духовного состояния познающей личности как условие новых актов познания. Вместо истории идей следует тогда говорить о последовательности произведений-символов как вещественных «тел понимания». Произведение есть целостное образование, включающее не только вещественно-предметный и идейный аспекты, но и духовное состояние интерпретирующей личности. Интерпретация произведения есть не только репродукция смысла идеи, в нём выраженной, но и продуктивная конструкция, преобразующая предметно-символическую структуру самого произведения.

Ключевые слова и фразы: символ; превращённая форма; познание; интерпретация; генеративность; генезис; наглядность; произведение.

Кушнаренко Сергей Петрович, к. филос. н., доцент
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
kushnarenko.sergey64@mail.ru

ГЕНЕРАТИВНЫЕ ИСТОКИ ПОЗНАНИЯ

В современной философии науки актуально рассмотрение событийно-процессуального аспекта познания [4]. Но описание процесса познания проблематично в силу его необратимости. Цель статьи – решение данной проблемы. Новым при этом выступает выделение символического истока теории. Поскольку же символы познания «уходят в глубину (“архаическую”) под развитием формального аппарата мысли» [8, с. 108], то мы получаем «унаследованную теорию познания» [Там же, с. 11] как превращённую форму её истинной истории. Поэтому для достижения цели нужно решить следующие задачи: 1) показать, что в теории в эксплицированном виде представлен её генезис; 2) выделить условия возможности экспликации символического истока теории.

Научная теория есть продукт деятельности познания, и поскольку человек не бесплотное существо («не чистый же дух, витающий над миром, познаёт!» [6, с. 293]), содержит материальный аспект (в виде, например, книги). Теория в аспекте её существования отсылает к акту познания как её источнику. Но генезис какого-то образования не определяет продукт этого генезиса, поскольку процесс познания как деятельность, направленная на открытие нового знания, не детерминистичен. В противном случае существовал бы метод открытия – но уже открытие метода само не может быть продуктом применения какого-то метода: «В открытии метода нет ничего методического. Посредством метода можно сделать всё, но нельзя его получить» [2, с. 260]. В то же время, в конечном продукте процесса сам процесс содержится, хотя и в свёрнутом виде. Но тогда теория есть не просто фиксация устройства мира, но и произведение культуры как символ духовного состояния человека в акте познания. Она содержит в себе производящее начало, выступая условием новых актов познания.

Последовательность научных теорий складывается тогда в соответствующий ряд генеративных символов. Тем самым, возможность нового знания уже присутствует в старом знании – но не содержательно, а как символическая конструкция, производящая новые акты познания.

В качестве произведения культуры знаниевое образование воспринимается не только умом, но и чувствами. Через аффицирование чувств пробуждается и способность познания: «...сложные задачи отражения человеческим сознанием объективной действительности не могут решаться одними лишь средствами концептуального мышления, а предполагают глубокую связь и взаимопроникновение концептуальных и наглядных сторон компонентов в реальном познавательном процессе» [11, с. 68-69]. Продукт познания как свёрнутая структура процесса познания представляет последний в превращённом виде, или, по терминологии К. Маркса, есть «превращённая форма». Последняя «есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определённом её уровне и скрывающего их фактический характер и прямую зависимость косвенными выражениями» [6, с. 269].

В превращённой форме структура явленной данности соответствующего тела понимания выступает не непосредственным представителем структуры сознания познающего, а замещает последнюю. М. Мамардашвили пишет: «Акты мышления... вовсе не всегда в полном виде выполняются на уровне их агента, хотя тем не менее выполняются в целом, т.е. выполнение их возможно не в полностью развёрнутом виде, а при условии, что имеются наглядности, замещающие неразвёрнутые и пропущенные звенья и делегированно их представляющие» [7, с. 84]. Это своего рода наглядные модели понимания – как, например, двойная спираль генетического кода, планетарная модель атома, золотое сечение и т.п. При этом та видимая форма, которую имеет данный предмет как представитель некоторой системы, замещает собой те связи, которые действительно присутствуют в этой системе: «Форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случае символизма) и становится на место действительного отношения» [6, с. 269]. По К. Марксу, например, хотя вещи реально имеют только стоимость (как меру вложенного в их создание труда), люди ориентируются на их цену. И хотя цена – это, по Марксу, есть что-то вроде «жареного логарифма», действия людей в этом случае оказываются адекватными экономической ситуации. Подобным же образом ориентация в повседневной жизни на идею неподвижной и плоской Земли и движущегося Солнца является прагматически более оправданной, чем на научное представление, согласно которому первое есть лишь видимость. Дело в том, что, несмотря на мнимость представленного в превращённой форме содержания, она есть всё же эффект действия исходного реального целого, которое своей топологической структурой, скрытой за наглядно данной видимостью, производит необходимый эффект, вписывая наши действия в их реальный контекст. Наглядность ненаглядного есть просто эффект нашей конечности, позволяющий совершать человеческие действия хотя бы по их форме (как, например, логическое рассуждение замещает действительное мышление, а этикет – настоящую нравственность индивида). Это культурная форма свободного действия, кем-то ранее реально осуществлённого. Но полной идентичности с оригиналом такое повторение свободного действия в виде превращённой формы всё же не имеет: так, существует пропасть между оригинальным произведением искусства и любой самой точной его копией, что проявляется в совершенно различной способности воздействия оригинала и копии на нашу душу (и потому так ценятся оригиналы).

Превращённая форма познавательного процесса дана в соответствующем наглядном образе. Мы имеем здесь неклассическую трансформацию классического отношения сущности и явления. А именно наглядность – способ символически представить экранированную от внешнего взгляда (и в этом смысле – принципиально не-наглядную) сущность познаваемого объекта: «Наглядность выступает необходимым компонентом отображения внутренних структур, которые принципиально недоступны органам чувств» [3, с. 116]. Например, в наглядной модели тетраэдра для атома углерода первоначально схватывается свойство *прочности молекулы* – через геометрическую структуру твёрдого тела, – которое раскрывается затем в модели следующего уровня в понятии *стабильности валентности*, и далее – в понятии *силы электровалентных связей*. После мы говорим уже не о силах взаимодействия между отдельными атомами в молекуле, а о *системообразующих связях* в ней, определяющих её цельность. В частности, в топологической модели молекулы по Р. Бейдеру мы вообще не можем говорить об отдельных атомах в молекуле, а только о неотделимых от целого частях молекулы – так называемых «бассейнах» для каждого из ядер (максимумов электронной плотности) [1, с. 56]. Атомы в молекуле находятся всегда в «связанном состоянии». Такой атом «принадлежит к классу *открытых систем*: он является неотъемлемой частью молекулы и кристалла... и свободно обменивается с ней электронами» [14, с. 274]. Свободный атом тогда есть идеальный предел связанного атома: «При расширении размеров бассейна до бесконечности связанный псевдоатом плавно переходит в свободный атом, определённый в “пустом” пространстве» [Там же].

Генеративным истоком для разума выступил глаз как некое изобретение эволюции (А. Бергсон), отсюда и такие познавательные метафоры, как «умозрение» или «усмотрение сущности» (Э. Гуссерль). Само понятие «открытия» уже предполагает, что нечто новое оказывается «явленным» – причём не только нашему уму, но и глазу. Или, например, такое выражение, как «точка зрения». Подобного рода метафоры как раз и указывают на символически-генеративное значение зрения для генезиса разума. Ведь, строго говоря, мы имеем дело с «эстезисом» как целостным опытом личности, а не просто с «ощущением», а для данности мира в эстезисе вообще проблематично разделение чувств и разума, как, впрочем, и разделение человека и мира. К примеру, Аристотель говорит, что глаз должен быть «солнцеобразным» (а М. Хайдеггер, комментируя

Аристотеля, указывает аналогичным образом, что зрение должно быть «древесным» [13, с. 124]). В действительности же и в «ощущении», и в «разуме» действует один и тот же эстетизм, в котором просто на первый план выступает только какая-то одна сторона этого генеративного органа понимания и деятельности.

На стадии эволюции идей развитие осуществляется посредством сосредоточения нашего внимания (мышления как *νοεῖν* («ноэйн»), в смысле Парменида) на соответствующих «точках интенсивности» (термин М. Мамардашвили), которые и выступают в данном случае в роли символов. В частности, такой символ есть «вечность». Вообще говоря, этого рода символом выступает «время (временность)», но «конечное время» есть лишь символическое выражение бытия человека на уровне сущего (как присущая ему конечность), то есть человеческого субъекта (что и было раскрыто в идее фиктивности времени как производного от субъекта В. И. Молчановым [10]). «Вечное время» есть, собственно, первоначальное интуитивное представление о «вечно пребывающем», т.е. постоянном и устойчивом состоянии, а это и ведёт нас к автономному, не зависящему от внешних воздействий существованию, которое имеет своё бытие в себе, есть «само от себя» [13, с. 150], т.е., приводит к пониманию, что *αἰδιον* и есть символический исток идеи вечности.

Обнаружение единичной «живой формы», стоящей за той или иной концепцией, есть продукт действия *этой же* индивидуальной формы. Она не просто «теоретична», имея идеальное содержание, но должна реально возникнуть, существовать в вещественно-материальном виде, и если бы мы не оказались реально, опытно в соответствующем состоянии, то её бы и не увидели и не обнаружили. Её действие позволяет нам познавать, – а как нам постичь её саму? – когда она сама себя обнаруживает, даёт нам саму себя. Это происходит тогда, когда происходит расщепление её структуры и производство нового, посредством чего мы и сами реализуемся в качестве специфически человеческих существ. В этих актах эта же структура сознания и действует, но, в отличие от обычных актов познания, в которых мы не меняемся (когда акт познания не является свободным, а есть лишь превращённое выражение свободного действия), она предстаёт в соответствующей символической предметности прозрачным и непосредственным образом. В этом плане вещественно-материальный эстетизм теории вполне восстановим, так как получается, что в ней представлен эксплицитным образом её собственный генезис как цепь фактически случившихся событий мысли. Место «универсальной идеи» соответствующего учения занимают тогда вполне определённые «тела понимания». «Уже интуитивистская математика ясно видела в таком двуединстве, кентаврности первичный факт человеческого интеллекта. Или ср. с тем, как английское право прецедента практиковало интуиционистскую математику! Дело в произведённости “натурального” авторитета, т.е. основания, источника, начала» [8, с. 200]. В данном случае какой-то единичный случай приобретает значение общего правила трактовки всех аналогичных случаев. В этом же смысле Ж. Деррида использует примеры в качестве «образца» [5, с. 12]. И у Гераклита какой-то афоризм есть не просто продукт понимания, но одновременно и «тело понимания». Если же мы усмотрели «феномен», то это оказалось возможным в качестве продукта действия какого-то символа (как предметной вещественно-материальной репрезентации соответствующего впечатления). В частности, идея «генезиса» у Гуссерля есть продукт действия определённого символа, а именно троичности сознания, в форме сознание-интенция-предмет (аналогично тройственной структуре сознания как субъект-интенция-объект (ментальный) у Ф. Brentano, идея которой и выступила в роли генеративного начала гуссерлевской идеи интенциональности [9, с. 411-422], более ранние истоки которой мы видим в средневековой философии и даже в неоплатонизме [12]). Эстетизмом для Канта выступили «пространство и время» как хронотопия возможных актов понимания и знания, у Р. Декарта – «естественная геометрия» [Цит. по: 7, с. 23]. Для гелиоцентрических идей Коперника эстетизмом выступает «неподвижная Земля» как условие той жизни личности, элементом которой и явились эти идеи.

Интерпретация как вторичная, репродуктивная операция по отношению к производству идеи как продуктивной операции оказывается тогда конструктивной машиной производства понимания содержания идеи. Более того, акт производства идеи оказывается специфическим видом интерпретативного акта. Любая интерпретация, продуктом которой выступает акт понимания, имеет предметно-символический аспект. И этот аспект есть не просто непредметная «аура» (В. Беньямин), «обволакивающая» произведение, он в это произведение даёт реальный вклад. М. Мамардашвили, говоря о генезисе смысла, пишет об этом процессе как о своего рода «первичной интерпретации»: «Надо идти к генеративным, порождающим свойствам квазивещественных (скрытых) структур (являющихся космическими включениями), в отличие от универсума, в котором все далекое трансцендентно объединено. <...> Лишь потом, на основе этого и в зависимости от того, что именно генерировано, появляется то, что обычно называют “интерпретацией в свете предпосылаемого знания законов, гипотезы”, “интеллектуальным элементом суждения в восприятии” и так далее. В качестве вторичных структур (явл. систематизацией смысла, предданного в первичных) это должно быть отличено от “интерпретации” в первичном смысле слова квазивещественного пространства времени состояния, понимаемого символического пространства, за которым стоит предметно-деятельностная динамика» [8, с. 190]. Другими словами, есть интерпретативная структура, рождающаяся в нашей голове, а есть та структура, *реальное действие* которой порождает в нас саму способность *видеть нечто как что-то*.

Строго говоря, действительное произведение не есть, к примеру, просто лежащая на столе книга как физически осязаемый предмет, а есть именно топологическое структурное единство читателя и текста – как «орган понимания», как пространственно-временное организованное «тело». Это своего рода развёрнутый и эксплицированный акт понимания читателем мысли автора, получившей выражение в данном тексте. И сам читатель как своеобразное личностное бытие, и даже сама книга как некоторый текст есть нечто вторичное. Произведения –

особые симбиотические «существа» как «живые формы», и когда мы говорим, например, о книге как преданной нам и автономно существующей «вещи», то это уже абстракция от бытия данного произведения. Это позволяет понять его возможное бытие и в качестве символа сознания, и в качестве «превращённой формы». Действительно, с одной стороны, произведение культуры выступает в роли «производящего произведения», а с другой – как отмечает М. Мамардашвили, «из рекламы мыла можно извлечь не меньше, чем из “Мыслей” Паскаля» [6, с. 160]. Но дело в том, что в последнем случае в роли произведения выступает не сама реклама мыла, а нечто иное, что эту роль выполнило, – какая-то предметно-организованная «машина понимания», являющаяся матричным аппаратом направляющих нас схем мышления и деятельности. В качестве истинного произведения выступает здесь симбиотическое единство нашего тела и нашей души как орган понимания. В случае же восприятия произведения как «превращённой формы» мы данное произведение в своём сознании просто воспроизводим в его предметной части, т.е. только по его содержанию, не соприкасаясь с его духовно-структурной составляющей. Если же воспринимаем произведение в его целостности, то и чисто предметная часть предстаёт для нас в другом виде (хотя внешне данная предметно-вещественная сторона произведения и будет отличаться на бесконечно малую величину, так что для постороннего взгляда оба этих «вида» будут неотличимы друг от друга). Любой акт трансцендирования всегда имеет предметно-символический аспект – и акт понимания, или интерпретации, тоже. Просто в последнем случае это будут матричные структуры биодинамической ткани наших физиологических состояний (нашего нервного аппарата), ведь и человек также есть тот материал, который действием структур сознания организовывается. Исходным предметом, материалом, с которым данные структуры работают и который они призваны структурировать, выступит в этом случае совместное существование человека и книги. Структурой сознания будет здесь топологическое пространство связности данных «изолированных» объектов.

«Конструктивной машиной», производящей в нас понимание, выступает не сам текст, а текст вместе с его интерпретацией как «произведение», ведь если тело понимания не создано, мы текст просто не поймём. Но поскольку любое оригинальное произведение есть продукт генезиса личности, то этот опыт личности свёрнут, упакован в результирующую предметную структуру текста и эксплицируется в каждом новом акте понимания.

Итак, как было показано автором, бытийным условием познания выступает произведение-символ как топологическое структурное единство духовного состояния познающей личности и предметно-вещественной его реализации. В теории её генезис всегда дан в предметном виде, а потому доступен экспликации, что и решает нашу первую задачу. Интерпретатор в новом акте познания воспроизводит эту топологическую структуру через повторение того духовного опыта, который был осуществлён автором. Условием возможности экспликации символического генезиса теории оказывается новый акт познания, что решает нашу вторую задачу. История же познания есть цепь генеративных символов, стоящих за содержанием исторически случившихся теорий.

Список источников

1. Бейдер Р. Атомы в молекулах. Квантовая теория. М.: Мир, 2001. 532 с.
2. Бюффе Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4-х кн. СПб.: Владимир Даль, 2007. Кн. 2. Новоевропейская философия. 395 с.
3. Давыдова В. Ю. Наглядность как форма объективации научного знания // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 115-118.
4. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
5. Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 11-202.
6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс; Культура, 1992. 410 с.
7. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994. 90 с.
8. Мамардашвили М. К. Стрела познания. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 304 с.
9. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 456 с.
10. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
11. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971. 271 с.
12. Фальк Э. Платонизм и феноменология // PLATONIKA ZHINMATA. Исследования по истории платонизма / общ. ред. В. В. Петров. М.: Кругъ, 2010. С. 505-573.
13. Хайдеггер М. О существе и понятии $\phi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$ // Васильева Т. В. Семь встреч с Хайдеггером. М.: Издатель Савин С. А., 2004. С. 119-184.
14. Цирельсон В. Г. Квантовая химия. М.: БИНОМ, 2010. 496 с.

GENERATIVE SOURCES OF COGNITION

Kushnarenko Sergei Petrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
kushnarenko.sergey64@mail.ru

The article shows that the generative series of symbols serve as cognition sources. Theory is not only a product of cognition as a transformed form, but also a symbol of a cognizing person's spiritual state as a condition of new acts of cognition. Instead of ideas history, one should speak of a sequence of works-symbols as real "bodies of understanding". A work is a holistic formation, which includes not only material-object and idea aspects, but also an interpreting personality's spiritual state. The interpretation of a work is not only the reproduction of the meaning of an idea expressed in it, but also a productive construction that transforms the object-symbolic structure of the work itself.

Key words and phrases: symbol; transformed form; cognition; interpretation; generativity; genesis; visualization; work.